

валось не менее тщательно. Только публикация архива генерала Рузского пролила полный или почти полный свет на последнюю фазу февральских событий 1917 г. и позволила восстановить попытку думских «революционеров поневоле» подавить революцию. Но революция обладала такой силой, что мимоходом смела все карточные домики, искусно построенные опытными в интригах политиками.

Сначала казалось, что Дума сумела почти полностью реализовать свои планы. Временное правительство, созданное из ее членов, было признано всеми. Однако есть один любопытный факт. Несколько царских министров, добровольно подвергшихся аресту, узнали по телефону о составе Временного правительства. Первым нарушил молчание Кривошеин, «старый волк» российского консерватизма.

Не обращаясь ни к кому в отдельности, он сказал:

— Это правительство имеет один серьезный... очень серьезный недостаток... Оно слишком правое... Да, правое. Пару месяцев назад оно бы удовлетворило всех. Это могло бы спасти ситуацию. Но сейчас оно чересчур умеренное. В этом его слабость. А сейчас требуется сила... Это, господа, уничтожит вашего большого ребенка, революцию, и нашу общую родину, Россию¹³.

Глава 5

СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Во время революции 1917 г., как и революции 1905 г., цензовой демократии, основанной на ограничении избирательного права с помощью имущественного ценза, противостояла советская, или революционная, демократия, органы которой в обычное время оставались подпольными и, естественно, представляли собой всего лишь скелет. Эти тайные органы создали особый великолепный тип «профессионального революционера», который не занимался ничем другим, кроме революции. Такой революционер был своего рода бродячим апостолом социализма или странствующим рыцарем, защищавшим угнетенных и наказывавшим их обидчиков. Его университетом была

тюрьма, где он во время вынужденного досуга лихорадочно пополнял свой интеллектуальный багаж; репрессии и жестокости тюремщиков были испытанием на терпение и твердость духа; побеги — эпизодами; конспирация и маска — привычкой; игра в прятки с сыщиками — спортом; пропаганда и агитация — первейшей необходимостью. На втором Лондонском съезде социал-демократической партии (338 делегатов) проводилось анкетирование участников. Оно показало, что делегаты провели в тюрьме, ссылке, на каторге и под официальным надзором полиции в общей сложности 597 лет, арестовывались 710 раз и совершили 201 побег; при этом средний возраст делегата составлял двадцать восемь лет. Но рекорд по числу преследований все же принадлежал социалистам-революционерам (эсерам). На их лондонской конференции присутствовал 61 делегат; при этом они в общей сложности пробыли в ссылке 121 год, просидели в тюрьме 104 года, провели на каторге 88 лет, 228 раз попадали в полицейские облавы и арестовывались 146 раз. В тайных организациях профессиональные революционеры задавали тон. Члены более или менее централизованной системы местных партийных ячеек смотрели на них снизу вверх и подражали им. Провинциальные группы, находившиеся под влиянием и руководством соперничавших революционных организаций, были распространены довольно хаотично. Картина менялась только во время великих исторических событий. Пользуясь беспомощностью и бессилием правительства, эта массовая периферия рабочих и крестьян организовывалась: рабочие — на фабриках и в мастерских, крестьяне — в деревнях и селах. Там проходили выборы депутатов, причем делалось это простым одобрением, без четко оформленных правил, с весьма разнообразными и неопределенными нормами представительства. Обязанности избранных также были неопределенными; эти люди должны были поддерживать связь с людьми, выбранными в других местах, возглавлять борьбу за дело «народа», «рабочего класса» или «пролетариата». Отсюда возникло название — «Советы рабочих (позднее солдатских, крестьянских, казачьих и т. д.) депутатов».

В разгар революции 1917 г. цензовая демократия лишилась своего главного органа — Государственной думы — и су-

ществовала лишь в виде Временного комитета частной конференции бывших членов Думы. Этот комитет сразу же ощутил сильное давление со стороны революционной «уличной толпы». Рассмотрим, из кого состояла эта «толпа» и какую форму приняли ее стихийно созданные революционные органы.

Первый фактор, который отмечают все, — это *спонтанность* революционного движения. Конечно, в Петрограде имелись тайные «комитеты» практически всех подпольных социалистических групп, но влиятельных людей там не было. Репрессии правительства приводили к тому, что состав этих комитетов постоянно менялся. Часто они существовали только благодаря притоку зеленой молодежи; не успевала эта молодежь чему-то научиться и набраться опыта, как тоже попадала под арест, причем на этот раз замену арестованным найти было трудно. Ни эти комитеты, ни Рабочая группа (беспартийная с виду, но социалистическая по сути) Центрального военно-промышленного комитета не имели достаточного влияния, чтобы вывести на улицу рабочие массы. Большевики призывали провести всеобщую забастовку в честь годовщины суда над их думскими депутатами, отправленными в ссылку за «пораженческую» агитацию, но потерпели полное фиаско. Не большего успеха добилась Рабочая группа, пытавшаяся провести демонстрацию по случаю открытия Государственной думы.

Социалисты-революционеры таких попыток не делали вообще. Демонстрации, состоящие только из рабочих, да еще в военное время, они считали заранее обреченными на неудачу. Отчет директора Петроградского жандармского департамента за октябрь 1916 г. содержал отрывки из доклада, подготовленного эсерами для предполагавшейся московской конференции групп рабочих военно-промышленных комитетов: «Война каждый день добавляет к противникам войны и милитаризма десятки тысяч сторонников... Несогласованность партийных программ, недостаточная организованность некоторых классов общества, невозможность вести пропаганду и т. д. заставляют социалистов-революционеров смотреть на вещи иначе, чем это делают социал-демократы и другие левые партии: *в нынешней России революция по образцу*

1905 г. невозможна, но зато более чем возможна революция объединенными силами солдатских и рабочих масс.

Успех эсеровской пропаганды в армии, сведения о котором прибывают с каждым днем, заставляет нас сделать вывод, что революцию начнут солдаты из вчерашних рабочих и те рабочие, которые испытывают на себе гнет милитаристского полицейского государства, заставляющего их работать с помощью пуль и штыков».

Директор жандармского департамента пессимистически соглашается с тем, что «определенные факты вроде успешного распространения пацифизма среди солдат и рабочих оборонной промышленности, растущего протеста против высокой стоимости жизни и недостатка продуктов питания... соответствуют истине, и эсеровские агитаторы правильно понимают, что данный момент наиболее благоприятен для подготовки почвы, на которую упадут семена революционных идей и утопий»¹.

Деятельность эсеров не выходила за пределы пропаганды и подготовительной работы. Непосредственный переход к восстанию в конкретной форме их пока не интересовал: всему свое время.

Ни большевики, ни меньшевики, ни Рабочая группа, ни эсеры, как по отдельности, так и общими усилиями, не смогли вывести на улицу петроградских рабочих. Это сделал некто куда более могущественный: Царь-Голод.

Все началось с обычных беспорядков из-за нехватки продуктов. Длинные очереди, сначала состоявшие из женщин и мальчиков, вымещали свою досаду на владельцах булочных, подозревая их в припрятывании муки с целью спекуляции. Полиция пыталась восстановить порядок. Ее встречали камнями. Люди требовали: «Хлеба!» Затем, что вполне естественно, начали раздаваться крики: «Долой полицию!» Когда этим крикам ответило эхо тысяч голосов, вспомнились старые лозунги «Долой самодержавие!» и «Долой войну!». «Это были беспорядки, но еще не революция»². В отсутствие вождя все революционные и демократические группы, организованные и неорганизованные, сломя голову бросились на улицу, пытаются привлечь на свою сторону как можно больше людей и вооружить их своими воинственными политическими лозунга-

ми. 23 и особенно 24 февраля весь Петроград был свидетелем бесчисленных демонстраций и уличных митингов. В эти дни было сделано несколько попыток создать межпартийные центры, чтобы компенсировать слабость множества подпольных партийных организаций. Лидеры профсоюзов, кооперативов, учреждений культуры и образования проводили собрания с участием крайне левых депутатов Думы и видных представителей революционных партий.

На одном из таких собраний старый социал-демократ Череванин первым предложил немедленно создать Совет рабочих депутатов. Впрочем, эта мысль уже витала в воздухе. 24 февраля появилось сообщение о том, что на некоторых фабриках прошли выборы Советов. Как только идею о восстановлении Советов одобрили ведущие группы интеллигенции независимо от партийной принадлежности, движение тут же стало всеобщим, хотя депутаты от отдельных фабрик все еще не имели единой точки зрения и даже не знали, где им собраться. Для таких вопросов не было времени. Уличная агитация, митинги, попытки братания с солдатами затягивали людей в водоворот и просто не позволяли заниматься чем-то другим. Важнейшее событие, определившее дальнейший ход истории, произошло только 27 февраля, когда некоторые воинские части стали переходить на сторону народа (как и предсказывалось в меморандуме эсеров). Народ освободил из тюрьмы недавно арестованных членов Рабочей группы и многих других политических заключенных. Бывшие узники во главе с рабочим Кузьмой Гвоздевым направились в Таврический дворец. Вместе с социалистическими депутатами Думы и другими видными членами рабочего движения они создали временный Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов (нечто вроде организационного бюро), который немедленно сообщил своим подопечным, что в тот же вечер все депутаты должны собраться на первое совещание Петроградского совета.

Советская демократия создала свой орган.

Рассматривая вопрос о роли Советов в Февральской революции, мы тут же сталкиваемся с двумя легендами, противоречащими друг другу.

Согласно первой, охотно принятой консервативными и буржуазными кругами, Петроградский (а позже Всероссийский) совет был создан с целью подрыва авторитета Временного правительства революционерами, которые боялись нападать на последнее открыто, а потому попытались сформировать собственный параллельный теневого кабинет, чтобы связать Временное правительство по рукам и ногам и создать систему двоевластия.

Другая легенда, менее распространенная, принадлежит председателю Государственной думы Родзянко. Согласно его глубокому убеждению, «Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов тайно существовал без перерыва с 1905 г. и никогда не прекращал агитацию».

Обе версии одинаково далеки от истины. В действительности Петроградский совет был создан не как второй центр власти, альтернативный Временному правительству. Выборы в него начались еще до царского указа о роспуске Думы и, следовательно, раньше того, как Дума создала свой Временный комитет. Не был Совет и органической частью революционного движения. Как в 1905-м, так и в 1917 г. это был *специальный орган объединенного социалистического и революционного фронта* в военное время, рождавшийся в огне и буре приближавшейся революции. В отличие от прочих боевых организаций рабочего класса, он создавался не сверху, а снизу, путем выборов на фабричных и заводских митингах, а потому представлял собой нечто вроде «предварительного парламента» рабочего класса.

Как и в 1905 г., обязанности Советов не были четко определенными. Это были любые точки приложения революционной энергии. Для русских рабочих 1905-го и весны 1917 г. Советы были тем же, чем революционные клубы (в частности, яacobинский) были для буржуазии времен Французской революции. Клубы становились импровизированными организациями в отсутствие прочных, стабильных и оформленных *партий*. Впрочем, Россия недостатка партий не ощущала. Напротив, их было слишком много. Но они включали лишь небольшой круг профессиональных революционеров и «сливки» рабочего класса. Для подавляющего большинства трудящихся они либо не су-

ществовали, либо относились к области мифов. Не было в России и широкой сети профсоюзных организаций, без которых рабочий класс представляет собой лишь «человеческий прах». Поэтому Советы возникали как временная замена профсоюзных и политических организаций рабочего класса.

Как и революционные клубы 1789 г., русские Советы выполняли двойную функцию: во время важных событий они служили точками приложения прямой инициативы масс, бросавших на чаши весов свой энтузиазм, свою кровь и свои жизни. В периоды относительной стабильности они были органами народовластия. Это право они завоевали своей энергией, способностью получать поддержку масс и пользоваться ею.

При рождении Советов никто не думал об их главной особенности — возможности централизовать эту широкую, развитую, логичную систему мелких местных органов и сделать ее *официальной основой государственной власти*, превратив в единый и единственный конституционный механизм нормального управления страной. В истории российских Советов данная идея считается чуждой, импортированной из-за рубежа и представляющей собой более позднюю, переделанную на русский лад главную идею южноевропейского анархо-синдикализма или, в лучшем случае, бессознательную пародию на нее. Одно дело — строить государство рабочего класса на прочной основе тред-юнионов, выкованной долгими годами борьбы и практической деятельности масс, и совсем другое — создавать ее на основе импровизированных полуклубов, полупарламентов, не имеющих ни опыта, ни устава, ни четкой системы выборов. Тред-юнионы имеют свою историю, богатый опыт, традиции и этику. Всего этого у Советов, как революционных клубов, не имелось. У них не было никакого «вчера», только «сегодня». Для них были характерны не только отзывчивость и впечатлительность, но и непостоянство, неопределенность и хаос. Развитое тред-юнионистское движение может только *служить*; Советы же могут только *командовать*. Тред-юнионы — организации боевые и деловые одновременно, а Советы — только боевые, по духу и структуре соответствующие чрезвычайным условиям революционного периода, когда жизнь бьет ключом и выходит из границ. Как

деловые органы они никогда не ценились и сами на эту роль не претендовали. Их единственной задачей было распространение «священного духа революции» на всю Россию, удаление всех препятствий, подавление и уничтожение в зародыше любой попытки правых оказать сопротивление, а также наблюдение за тем, чтобы программа и состав созданного революцией Временного правительства соответствовали целям этой революции. Вот и все. Советы никогда не имели четкого устава; выборы в них всегда были хаотическими и неорганизованными. Менее всего они напоминали орган государственной власти, действующий на основании определенных правил.

Однако в переходный период все это нисколько не мешало Советам быть единственной активной законодательной властью. Не стоит забывать, что Временный комитет частной конференции членов Государственной думы в те же дни определил свою задачу как *посредничество* между народом и старым режимом. Он заключил соглашение с последним, вырвал у него большие уступки и пытался спасти то, что осталось от прежнего порядка. Не стоит забывать, что этот орган цензовой демократии вступил в переговоры с высшим командованием, с царем и, наконец, с «законным преемником» последнего. Он испробовал все возможные способы сохранить существующую систему, но был вынужден признать свою неудачу. Наконец он столкнулся с дилеммой — либо принять власть «от имени революции», либо со стороны наблюдать за тем, как это сделают другие. Советская демократия была плохо осведомлена об этих закулисных переговорах; от нее многое утаили, а на многое не обратила внимания она сама, не придавая большого значения политическим интригам.

Но что же *делала* советская демократия? Она не брала власть, не объявляла себя правительством, но действовала как немедленный революционный законодательный орган. Она так же бессознательно выполняла некоторые функции правительства, как человек бессознательно «говорит прозой». Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, созданный лишь как организационное бюро, во многих случаях функционировал как правительство просто потому, что эти вопро-

сы не решал больше никто. Во-первых, он создал временный военный штаб из большого количества левых офицеров, среди которых выделялись эсеры Филиповский и Мстиславский (Масловский). Он сформировал временную продовольственную комиссию, где важную роль играли социал-демократы Громан, Франкорусский и другие. Военный штаб пытался руководить хаотичными действиями солдат, моряков и вооруженных рабочих, которые были полны энтузиазма, но не знали, что им делать из-за полного отсутствия организации. Этот штаб формировал летучие отряды (которыми из-за недостатка офицеров командовали случайные люди — чаще всего наиболее грамотные солдаты, а также студенты и другие штатские), посылал их на разведку в разные районы города, поручал им захват важных стратегических пунктов (вокзалов, полицейских участков, явочных квартир тайной полиции, телеграфа, телефона, различных казарм), арест царских министров и других слуг прежнего режима, ликвидацию очагов отчаянного сопротивления полиции, забаррикадировавшейся с пулеметами, разоружение городских и т. д. Продовольственная комиссия провела небезуспешный эксперимент по введению твердых цен на остродефицитные, а потому чрезвычайно дорогие продукты питания (например, масло). Она тут же приняла меры по обеспечению питания солдат, примкнувших к революции. Многие группы солдат, пришедшие к Таврическому дворцу, принадлежали к колебавшимся или нейтральным полкам и боялись вернуться в казармы. А тот, кто возвращался, обнаруживал, что офицеры разбежались, а продовольственные склады пусты. Голодные солдаты без офицеров и еды могли начать грабить и вызвать в городе полную анархию. На первой сессии Совета была одобрена еще одна мера: разделить Петроград на районы и направить в них специальных комиссаров Совета для наблюдения за выборами «районных комитетов», то есть местных органов народной власти, и создания вооруженной рабочей милиции по норме «сто человек от тысячи работников фабрики». Кроме того, сам Совет претерпел одно радикальное изменение. Созданный как Совет рабочих депутатов, он тут же стал настолько сильным центром притяжения для воинских частей, что уже не мог сохранять свою прежнюю форму. На первой

сессии Совета присутствовал целый калейдоскоп представителей разных воинских частей. Они заявляли о своей полной солидарности с рабочим классом, представленным в Советах, клялись сражаться с ним бок о бок и защищать революционные завоевания трудящихся. Когда к революции и ее вождю, Петроградскому совету, присоединился Семеновский полк, имя которого вошло в историю России благодаря подавлению московского вооруженного восстания 1905 г., всеобщий энтузиазм достиг апогея. Было решено преобразовать Совет рабочих депутатов в Совет рабочих и солдатских депутатов; при этом каждый батальон имел право прислать одного делегата.

Через несколько дней Совет превратился в гигантский рабоче-солдатский предпарламент. В него входило около 2000 членов, а к середине марта — уже 3000. Каждое решение немедленно передавалось в казармы и рабочие кварталы по тысяче каналов. Такой силе не мог противостоять никто.

Поэтому неудивительно, что Родзянко не мог получить поезд для поездки к царю без разрешения Совета, а Гучков и Милюков сильно рисковали, пытаясь объявить Михаила царем против воли этого органа народовластия. Если бы Михаил попытался воспользоваться правами, делегированными ему Николаем II, в восставшем Петрограде это действительно стоило бы ему жизни, а сбежать в более безопасное место он тоже вряд ли смог бы.

Но и это еще не все. Только Совет мог остановить всеобщую забастовку и вновь открыть фабрики. Только он мог восстановить уличное движение. Поскольку Совет контролировал профсоюз печатников, только он мог разрешить издание газет — всех или нескольких. Сразу же после своего создания Временное правительство было вынуждено обратиться к лидерам Совета, чтобы напечатать свое первое воззвание к народу. Когда воинские части Петрограда стали частью организованной советской демократии, Совет превратился в единственный реальный источник власти. На своей первой сессии Совет решил принять немедленные меры по изъятию всех общественных фондов из-под контроля старого правительства. После этого решения вооруженные солдаты заняли и начали

охранять Государственный банк, центральное и местные казначейства, Монетный двор и т. д.

Следует подчеркнуть весьма характерную деталь: декларация Совета гласила, что он «поручает Временному комитету Государственной думы немедленное исполнение данного декрета». В тот момент никому и в голову не пришло спросить: почему Временный комитет должен выполнять инструкции Совета, если он не подчинен последнему? В тот момент Совет, являвшийся детищем революционных рабочих и солдатских масс, был главным центром. В Совет приходили владельцы всех типографий и просили оценить ту или иную работу с точки зрения ее «полезности революции». 3 марта совещание представителей петроградских банков попросило у Совета разрешения «немедленно открыть банки». Бывшая фаворитка Николая II, знаменитая балерина Кшесинская, обратилась в Совет с просьбой вернуть ей особняк, реквизированный во время революционного междуцарствия и занятый в основном большевистскими организациями. Великий князь Михаил просил Совет выделить ему поезд для проезда из Гатчины в Петроград и получил ответ: «Поскольку уголь дорог, гражданин Романов может купить билет и ехать в обычном поезде на равных правах с другими гражданами». С утра до ночи Совет осаждала «толпа просителей, промышленников, солдатских и рабочих депутатов, офицеров, предпринимателей, студентов, мужиков с котомками и какими-то бумагами в руках, чиновников и плачущих женщин»³. В Исполнительный комитет Совета приходили по всем делам, включая разводы и гражданские иски; приходилось выбиваться из сил, объясняя наивным посетителям, что в компетенцию Совета входит не все.

Профессор Г. Швиттау, изучавший социальную и экономическую сторону революции, пришел к выводу, что «советский режим» был «полностью представлен уже в первый период Февральской революции», потому что Совет начал действовать раньше и был реальной властью в гораздо большей степени, чем Временный комитет Думы и Временное правительство. Он утверждает: «О каком бы то ни было двоевластии в этот период говорить трудно, поскольку тогда существовало толь-

ко «Советское правительство», которое еще не сформировало свою идеологию и скрывалось за спиной более или менее законного буржуазно-революционного Временного правительства»⁴. Суханов пишет: «Советский административный аппарат начал невольно, автоматически, против воли самого Совета, заменять аппарат официального правительства, на долю которого мало что оставалось. Тогда с этим ничего нельзя было поделаться; нам пришлось смириться и принять на себя разные административные функции, одновременно создавая и поддерживая видимость того, что власть осуществляется из Мариинского дворца»⁵.

Глава 6

ПОЗИЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Почему Совет не сформировал собственное Временное правительство? Это вопрос с двойным дном. Во-первых, нужно понять, как вожди советской демократии расценивали собственную позицию. Во-вторых, выяснить, какие объективные причины диктовали им такой способ действий.

Единой точки зрения на эту проблему у советской демократии не было.

В конце 1890-х годов, когда перспектива революции в России казалась отдаленной, тогдашняя революционная демократия была представлена двумя крупными партиями — социал-демократами (эсдеками) и социалистами-революционерами (эсерами).

Каждая партия пыталась разглядеть сквозь туман будущего таинственные очертания грядущей революции, определить ее характер, продолжительность и историческое значение. Каждая партия пыталась представить собственную историческую миссию на заключительном этапе движения, чтобы с самого начала твердо идти к намеченной цели.

Сначала социал-демократы, тогда еще не разделившиеся на большевиков и меньшевиков, исходили из ортодоксального марксизма. Они считали, что историческая эволюция России будет проходить так же, как в странах Западной Европы, пу-

- 1 Сборник полицейских документов. Центрархив. С. 130—131.
- 2 Суханов. Записки о революции. Т. 1. С. 19.
- 3 Там же. Т. 2. С. 279.
- 4 Швиштау Г. Революция и народное хозяйство.
- 5 Суханов. Указ. соч. Т. 2. С. 278. Мариинский дворец был резиденцией Временного правительства.